

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

ESSAYS AND REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-172-179

Наше травмированное общество: причины, следствия, пути преодоления *

Л.Н. Доброхотов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, 119234, Россия
(e-mail: dobrokhotoza@yahoo.com)

Аннотация. Статья представляет собой размышления над монографией Ж.Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)». (Москва: «Весь Мир», 2020. 352 с.). В книге проанализирована та грандиозная травма, которая была нанесена российскому государству и народу крушением СССР. Одновременно рассматриваются те травмы прошлого и настоящего, которые переживают другими странами вследствие политических, экономических, социальных, а нередко и военных катаклизмов.

Ключевые слова: травма; общество травмы; развитие общества; революция; эволюция; Тощенко

Изначально термин «травма» был заимствован из медицинской практики рядом англосаксонских социологов, однако Ж.Т. Тощенко значительно расширил масштаб и углубил анализ этого феномена, присущего современной политико-экономической и социокультурной реальности, прежде всего за счет тематики, касающейся судьбы нашей страны. По мнению автора, можно говорить о третьей модальности в развитии общества, которая существует наряду с традиционными модальностями — революцией и эволюцией. В то же время автор убежден, что сами по себе, без серьезнейших причин, такие исторические процессы не происходят.

На основании своих изысканий Тощенко приходит к выводу, что состояние современной России не может быть описано устоявшимися определениями эволюции или революции — к ней, как и ко многим другим странам,

---

*© Доброхотов Л.Н., 2023

Статья поступила 20.11.2022 г. Статья принята к публикации 25.12.2022 г.

применим термин «общество травмы». В отличие от эволюций и революций, способных при благоприятных условиях привести общество к позитивным социальным изменениям, травма обрекает государство на тяжелейшие катаклизмы, в лучшем случае на длительную историческую депрессию, резкий откат от ранее достигнутых рубежей, нередко на подлинный социальный обвал. Впрочем, не подвергая сомнению теорию Тощенко и даже считая ее новым словом в социальной науке, я в то же время полагаю, что начатые М.С. Горбачевым и его окружением («прорабами перестройки»), продолженные Б.Н. Ельциным и «клеветами» угробившие страну «реформы» были классической контрреволюцией, которую можно сравнить с реставрацией династии Стюартов после революции в Англии, с захватом власти Наполеоном после Великой французской революции и затем восстановлением династии Бурбонов, не говоря уже о безуспешной попытке белой контрреволюции во время Гражданской войны в России, которая все-таки удалась 70 лет спустя.

Обосновывая показатели общества, Тощенко приводит противоположные по смыслу и последствиям идеи выхода из этого состояния, предлагаемые как либералами-западниками, так и носителями социалистических взглядов, призывающих к преодолению кризиса, не повторяя ошибок СССР. Я полагаю, что в истории нашей страны есть позитивный опыт преодоления травмирующих ситуаций в результате модернизации 1920-х — начала 1950-х годов. О возможности выхода из кризиса говорит успех социалистических Китая и Вьетнама, а также достижения Кубы, добившейся высоких социальных показателей, особенно в области бесплатного образования и здравоохранения. Однако Тощенко считает, что в нынешней попытке преодоления социальной травмы нашей стране присуще нечто особенное — половинчатая и непоследовательная реставрация некоторых советских традиций и норм в сочетании с упорным сохранением рыночного фундаментализма и либерализма «европейской цивилизации», которые модифицируются на «евразийский» лад. Это подтверждается описанием реальных общественных деформаций в странах, под влиянием нанесенной им тяжелой политической травмы длительное время стагнирующих и/или деградирующих, включая самые развитые в составе СССР — России и Украины. Цитируются и западные социологи Дж. Александер и П. Штомпка: они считают травму состоянием, которое переживает социальная группа или общество в результате разрушительных событий, наносящих болезненный ущерб гражданскому обществу (по сути, главному фактору, обеспечивавшему смысл и существование советского государства).

К причинам травмы Тощенко относит длительное отсутствие государственной идеологии и/или национальной идеи, игнорирование национальных интересов или чрезмерную их абсолютизацию. Все эти критические

для существования государства опасности в свое время были проанализированы В.И. Лениным, но десятилетия были спустя забыты или проигнорированы, чтобы наступить на те же грабли, что и при Временном правительстве, в период белогвардейской смуты и Гражданской войны. Что касается травмирующего эффекта социально-экономических реформ в перестроечные и постсоветские времена, то Тощенко справедливо отмечает: реформы начали проводить силы, не имеющие ни ясной стратегической цели, ни четкой программы действий — только намерение непременно сломать все, что было до них, и построить что-то такое, чего никто прежде не знал, или в крайнем случае механически повторить то, что зарекомендовало себя в других странах (с совершенно иными, чем у России, условиями). Кроме того, за образец была взята та финансово-спекулятивная неолиберальная модель экономики, которая, в отличие от социалистической модели Китая и Вьетнама (сочетание плановых и рыночных механизмов), госкапитализма Индии и других бурно развивающихся стран, давно уже демонстрировала на Западе кризисную, затухающую, малопродуктивную и социально ущербную форму.

В результате, по оценке Тощенко, длительное пребывание России в турбулентном состоянии (1990-е — 2000-е) привело к тому, что она может быть отнесена к обществу травмы, так как более тридцати лет не может достичь многих важнейших показателей экономического и социального развития. Отметим, что с 2012 года «рост» ВВП колеблется в нашей стране около нуля (в 2022 году он составил 2,5 %). Вспоминается Л. Кэрролл с сагой об Алисе: по словам одного героя этой философской сказки, бывают такие времена, когда, чтобы удержаться на прежнем месте, требуется быстро идти вперед, а чтобы оказаться впереди, надо нестись туда во всю прыть. Мы же стоим на месте, в то время как во Вьетнаме в 2022 году рост ВВП превысил 8 %, в Индии — 6,8 %. Россия по показателю темпов роста ВВП находится примерно на 100 месте в мире.

По мнению А.Г. Аганбегяна, российские банкиры имеют гигантские личные сбережения, из которых лишь 1 % вкладывают в национальную экономику, храня в западных банках средства, многократно превышающие бюджет страны. В годы гайдаровских неолиберальных реформ народное хозяйство страны потеряло больше, чем в Великую Отечественную войну. Где же мы находимся сегодня? На этот вопрос на Московском экономическом форуме в декабре 2022 года ответил Р.И. Нигматулин: и после 2013 года ВВП на душу населения у нас в стране по-прежнему меньше, чем в таких средних по развитию государствах, как Португалия и Турция, в бывших соцстранах Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия и Румыния) и даже бывших союзных республиках (Литва и Эстония). Вопрос в том, как мы намерены побеждать в нынешнем тотальном противоборстве с Западом, насчитывающим свыше 1 млрд человек, имея 150-миллионное население и долю ВВП на раз-

витие человека (образование, здравоохранение, науку) на протяжении последних 30 лет в 9 %, в то время как на Западе эта доля составляет 20 %?

К травме общества можно отнести и то, что за постсоветские годы число научных сотрудников в России сократилось в три раза, и по этому показателю мы оказались на 29 месте в мире (только 10 человек из 100, заканчивающих аспирантуру, защищают кандидатские диссертации). По показателям здоровья в России самая высокая смертность в Европе (мужчин — в три раза, женщин — в два раза), и в мире мы находимся по этому показателю на 119 месте.

Помимо других причин Тощенко видит корень травматического состояния нынешней России в отсутствии у правящей элиты понятных и разделяемых народом идей, созидательной идеологии, способной вывести государство и общество из угрожающей ситуации. В результате даже ВЦИОМ в годовом отчете за 2022 год был вынужден констатировать значительное снижение социального оптимизма у половины населения страны. А самый очевидный индикатор общества травмы, по Тощенко, — результаты деятельности групп, по недоразумению называемых элитой и отличающихся патологическим неприятием и даже ненавистью ко всему советскому, в том числе к несомненным достижениям этого периода отечественной истории.

Вопрос о том, кто виноват в сложившейся в стране ситуации, Тощенко подробно и убедительно прорабатывает в разделах «Основные проявления травмы в российском обществе» и «Социальный и человеческий капитал в обществе травмы». Так, сегодня Россия тратит на образование только 4 % ВВП, тогда как в 1950-е — 37,8 %, занимая тогда 3 место в мире по уровню образования, а сейчас скатившись на 88. Нельзя не согласиться с тем, что образование — сфера достижения блага общества, обеспечения творчества и раскрытия интеллектуального потенциала человека, а не инструмент извлечения прибыли из (в значительной мере платной) системы обучения, где вузы включены в систему квазирыночных отношений с далеко идущими негативными последствиями.

Расслоение в российском обществе наблюдается не только по уровню доходов, но и по доступу к системе образования — работает не принцип отбора талантливых и трудолюбивых, а финансовые возможности и амбиции семьи. Отмечу, что введение ЕГЭ в целях облегчения доступа к высшему образованию молодежи из провинции не только не решило проблему, а усугубило ее, как и замена классического принципа отечественной школы «знания, умения, навыки» западным понятием «компетенции», главной из которых считается способность учащихся прорываться через тесты, проверки и т.п. А забытый и до сих пор не восстановленный в высшей школе принцип воспитания достойного члена общества и патриота привел к постоянно увеличивающемуся числу молодых людей, индифферентных к задачам и проблемам

социума, озабоченных лишь личным преуспеванием, что делает образование бессмысленным.

С аналогичных гражданских позиций Тощенко оценивает состояние отечественной науки: ее забвение — один из показателей травмированного общества, ведь очевидно отставание тех стран, которые уделяют минимум внимания науке и уповают на использование чужого (в нашем случае западного) опыта. Что и произошло за последние тридцать лет в нашем государстве, в советские годы величайшем в мире по уровню развития, прежде всего естественных, наук. В этом разделе Тощенко затрагивает значимый для меня вопрос. Так получилось, что многие годы я, работая в Октябрьском районе Москвы, где были расположены более ста отраслевых и академических НИИ и Президиум АН СССР, имел привилегию и великое счастье повседневно общаться с научными коллективами ведущих институтов и возглавлявшими их великими учеными — все они были убежденными патриотами.

Тощенко цитирует выдающегося ученого — президента АН СССР, а в последние годы деятельности — директора Института общей и неорганической химии А.Н. Несмеянова: «академия — теоретический вожьд в науке». В 1989 году затраты на науку в бюджете СССР составляли 6,6 %, а численность научных работников — около 5 млн; сегодня по показателю удельных затрат на науку (1,1 %) мы резко отстаем от ведущих стран мира, оказавшись на 31 месте, а число занятых в науке в 2017 году упало до 707 тысяч, число научных организаций сократилось на 22 %. В результате такой бюджетной политики доля России на рынке современных технологий составляет 0,3 % (США — 39 %). В лучшие советские годы по этому и другим показателям развития науки мы были равны США или же превосходили их (что признавали в публичных выступлениях даже президенты Дж. Кеннеди и Р. Никсон): американцы буквально гонялись за нашими научно-техническими достижениями, переводя на английский язык большинство наших журналов, тысячи монографий и диссертаций.

С 2013 года, по мнению Тощенко, проводится целенаправленная дискредитация Российской академии наук — для уменьшения ее роли в экономике и обществе, фактически превращения в клуб ученых без законодательно обеспеченной и практически реализуемой значимой функции. В книге цитируется выступление В.А. Садовниченко на Совете по науке и образованию при Президенте РФ: в США в 2015 году работало 18 тысяч эмигрировавших из России докторов наук, а в России их осталось 28 тысяч, т.е. каждый третий ученый, выучившийся и получивший докторскую степень в России, трудится на благо государства, являющегося открытым противником нашей страны. Если бы в России были созданы условия для жизни и работы, сопоставимые с американскими, большая часть таких эмигрантов вернулась бы на Родину (как в 1934 году П.Л. Капица). Но пока Россия переживает вторжение неолиберальных идей в управление наукой, причем с результатом, противополо-

ложным тем странам, где эти идеи родились: там никто не навязывает университетам и научным институтам тематику исследований, не диктует, как их проводить, не терроризирует бесчисленными бюрократическими проверками и отчетностью, включая обязательные публикации в «рейтинговых» журналах. Кроме того, в советское время зарплата доктора наук была сопоставима и даже превосходила оклады большинства хозяйственных руководителей самого высокого ранга. Я помню, что в то время, согласно опросам, каждый третий старшеклассник хотел стать ученым — так высок был престиж науки. Тощенко приводит социологические данные о том, что сегодня этот престиж упал до 3 % (самый конец перечня из 22 профессий).

Я хорошо помню мое общение в 1970-е годы с одним из легендарных изобретателей лазера, содиректором Физического института АН СССР А.М. Прохоровым, который потом в 1990-е годы в интервью газете «Известия» задастся вопросом «Нужен ли я своей стране?». В эти годы я побывал в ФИАНе на собрании ученых — меня поразили дух бедности, социальной заброшенности, профессиональной невостребованности этих людей, совсем недавно составлявших цвет советской и мировой науки.

В аналогичном положении оказалось здравоохранение: в настоящее время на него тратится 4 % ВВП — в сравнении с 10 % в развитых странах Европы и 17 % в США (в СССР — 10 %, и страна занимала первое место в мире по обеспеченности врачами на душу населения). По мнению Тощенко, проходившая на наших глазах и за наш счет «оптимизация» здравоохранения только усилила травматическое состояние российского общества. По данным Фонда «Общественное мнение», в 2019 году 53 % считали, что в российском здравоохранении дела обстоят плохо (к моменту выхода книги в 2020 году — уже 74 %). Ради объективности заметим, что, по данным Росстата на 2022 год, средняя зарплата врачей увеличилась до 93 тысяч рублей, причем в 19 регионах она оказалась выше этого показателя, в остальных — ниже. Особую проблему в большинстве регионов, включая Москву, представляет запись на прием к специалистам узкого профиля (кардиологам, невропатологам и т.д.), т.е. людей вынуждают прибегать к платным услугам, на которые у большинства просто нет средств. Не отсюда ли, помимо других социальных последствий травмы, катастрофическая и до сих пор непреодоленная демографическая проблема? В последние годы мы теряем примерно по миллиону человек год (в 2022 году — 600 тысяч), и это один из худших показателей в мире.

Одну из причин травмированности российского общества Тощенко видит в появлении на исторической сцене в качестве лжелидеров бездушных и несостоятельных группы лиц, похоронивших великое государство и полностью проваливших свои громко заявленные в ходе деконструкции СССР цели создания чего-то несравненно лучшего. Тощенко приводит высказывание В.В. Путина на «Прямой линии» 2019 года, где он отказался назвать «бандой» этих оказавшихся в руководстве страны людей, но признал, что «за

это время у нас полностью развалились социальная сфера, промышленность, оборонка..., мы практически развалили Вооруженные силы, довели страну до гражданской войны, до кровопролития на Кавказе и поставили страну на грань утраты суверенитета и развала». В России возникло государство, функционировавшее как бы само по себе, без руля и ветрил, с непонятными политическими и социальными целями, и народу был не ясен вектор его развития.

Но понятен ли этот вектор сейчас? Кстати, прекрасно понимая, как негативно большинство граждан относится к капитализму, ни Горбачев, ни Ельцин, ни Путин так и не решились назвать строй, воцарившийся вместо социализма и советской власти. Только в 1920-е годы Путин признал капитализм зашедшим в исторический тупик и допустил, что социализм может быть лучшей альтернативой в случае встраивания в него рыночных экономических механизмов. Впрочем, никаких практических шагов в этом направлении не последовало, несмотря на опыт Китая, который прервал свой долгий и опасный период травмы, найдя стратегически безошибочный путь развития в сочетании социалистической плановой системы с рыночными отношениями.

В 1990-е годы и позже советскому и российскому руководству не хватило сил и ответственности, чтобы воспользоваться китайским опытом, хотя истоки такого подхода просматриваются еще в ленинском НЭПе и в сталинской модели экономики, сочетающей ведущую роль государства в стратегических областях с массовым негосударственным, но подчиняющимся единому плану, артельным производством (выпускало по ряду направлений до 80 % продукции ширпотреба и сельхозпродукции).

Таким образом, читатель монографии получает четкое представление о том, кто виноват и в чем причина того, что произошло с нашей страной. Остается ответить на другой классический вопрос: что делать? Вечно ли это травмированное общество? Тощенко уверен, что общество травмы не вечно: на основе многочисленных опросов он делает вывод, что наш народ желает социальной справедливости, социальной стабильности и гарантированного будущего, хочет знать, какое общество строится в России. Это подтверждают и опубликованные уже после выхода книги данные Фонда «Общественное мнение» за январь 2023 года — более 80 % граждан России всех возрастов позитивно оценивают социальные достижения советского периода и, прежде всего, обеспечение принципа социальной справедливости.

Тощенко совершенно справедливо недоумевает, почему до сих пор не был проведен коренной пересмотр экономической и социальной политики, начатой в 1990-е годы и провалившейся. Складывается впечатление, что руководство страны это понимает, судя по ряду политических решений и акций публичной политики, например, по отмене в январе 2023 года очередного Гайдаровского форума с традиционным участием руководства правитель-

ства, присягавшего тогда на верность неолиберальному курсу. Однако экономическая и социальная политика «а ля Гайдар» сохраняется: широко представленные во власти и в медиа сторонники и апологеты либерализма не хотят признать поражение проводимых ими реформ, саботируя даже указания главы государства. Но это уже вопрос к кадровой политике президента — ведь в стране активно заявляют о себе теоретики и практики левых взглядов, которых поддерживает большинство населения. Вместе с автором книги я уверен — будущее за ними!

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-172-179

Our traumatized society: Causes, consequences, and solutions*

L.N. Dobrokhotov

Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1–33, Moscow, 119234, Russia
(e-mail: dobrokhotoza@yahoo.com)

Abstract. The article is a reflection on the monograph by Zh.T. Toshchenko *Trauma Society: Between Evolution and Revolution (Theoretical-Empirical Analysis)* (Moscow: Ves Mir, 2020. 352 p.). The book analyzes the huge trauma of the Russian state and people after the collapse of the USSR. At the same time, the book identifies those traumas of the past and present that other countries experience under political, economic, social, and often military cataclysms.

Key words: trauma; trauma society; development of society; revolution; evolution; Toshchenko

---

*© L.N. Dobrokhotov, 2023

The article was submitted on 20.11.2022. The article was accepted on 25.12.2022.